

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ СОВЕРШЕНО ОТКРЫТИЕ?

(О «НОВОМ ВЗГЛЯДЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ» Э. О. РЕЙШАУЭРА)

Л. А. Березный

Бывший посол США в Японии (1961—1966) профессор Гарвардского университета Э. О. Рейшауэр как ученый известен главным образом трудами по истории Японии. Его интересы простираются, однако, и на проблемы философии истории, что определяется, вероятно, не только присущим Рейшауэру складом ума, ибо его научная деятельность преследует цель — найти оптимальную для американского империализма политику в Азии. Как и некоторые другие американские исследователи, он понимает, что решить эту задачу нельзя, игнорируя важнейшие для Азии проблемы развития ранее отсталых стран. Отсюда-то и проистекает интерес к проблемам философии истории, поиски некоей общей теории развития. Рейшауэр не может не принимать во внимание и влияния марксистско-ленинских идей на молодые независимые страны, особенно страны Азии — континента, с которым всегда были связаны его научные и служебные интересы, и этим также объясняются поиски теории, которую можно было бы противопоставить марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса. Коммунисты, сетует Рейшауэр, предлагают Азии теории, которые все объясняют, американцы же до сих пор были не в состоянии дать такого объяснения¹. Его последняя книга, «Новый взгляд на современную историю», и призвана, видимо, способствовать восполнению пробела.

Свою концепцию Рейшауэр обнародовал на ежегодном собрании японской Национальной ассоциации дикторов в мае 1962 года. Речь посла транслировалась по телевидению; ее текст был вскоре опубликован журналом «Асахи дзянару». В 1964 г. автор включил ее в сборник своих публичных выступлений, подчеркнув в предисловии значение этой речи; ее претенциозное заглавие стало названием всего сборника². Состоявшаяся вскоре после публикации названной речи беседа Рейшауэра с профессором Токийского университета Хаяси Кэнтаро, в ходе которой Рейшауэр комментировал свой «новый взгляд», а Хаяси дал ему высокую оценку, была опубликована японским журналом «Дзию». В конце 1965 г. токийское издательство «Коданся» выпустило в свет сборник речей Рейшауэра, включив в него и «Новый взгляд» и беседу с Хаяси³. «Открытие» Рейшауэра (он так и пишет: «discovery») было, таким образом, широко разрекламировано.

В трактовке исторического процесса автор воинствующе противопоставляет свой плюрализм материалистическому монизму марксистско-ленинской методологии⁴. Он изображает «досовременный мир» как конгломерат цивилизаций, неповторимых и замкнутых каждая в своем круге

¹ E. O. Reischauer. Wanted: an Asian Policy. N. Y. 1955, pp. 193—194.

² E. O. Reischauer. A New Look at Modern History. Tokyo. 1964. Небезынтересно отметить, что заголовок речи претерпел изменения. Первоначально (в «Асахи дзянару») он гласил: «Взгляд на современную историю».

³ Э. О. Рейшауэр. Нихон киндай-но атараси миката. Токио. 1965.

⁴ Там же, стр. 164.

развития (в духе О. Шпенглера). Однако невозможно дать характеристику современного общества с присущей ему взаимосвязанностью и взаимозависимостью процессов, оставаясь на плюралистских позициях. И Рейшауэр, по существу, отказывается от них, когда выдвигает в качестве основной черты наших дней движение человечества к «единому современному миру». Здесь отчетливо обнаруживается сходство его концепции с теорией «единого индустриального общества». По-видимому, взгляды Рейшауэра сложились независимо от теории У. Ростоу, но самый факт их близости свидетельствует о некоторых общих тенденциях, характерных для нынешнего буржуазного обществоведения⁵. Однако у схемы Рейшауэра есть свои особенности. Потому и необходимо ее специальное рассмотрение.

Для новой истории, под которой Рейшауэр понимает последние два-три столетия, характерна, утверждает автор, постепенная эволюция «досовременного» мира в «современный». Она происходит в результате смещения «великих традиционных цивилизаций» прошлого в «едином мире», формирующемся в наше время. Основная тенденция развития и заключается в «разрыве с прошлым», в переходе от «традиционного общества» к «единому миру». Источником этого движения служит машина. С ее появлением, «со всеми возможностями, которые она открыла для поточного производства, массовых средств сообщения, массовой организации и массового контроля» и происходит всеобщая социально-экономическая унификация⁶. Таким образом, машинная техника рассматривается как фактор, определяющий социальную жизнь; человек из субъекта общественного развития превращается в его объект. Такова, в своей сущности, антигуманистическая основа теории Рейшауэра.

Правда, автор в последнее время предпочитает не употреблять термин «индустриальное общество». Если в книге «Wanted: an Asian Policy» терминология не была единообразной: с «современным» и «досовременным» миром соседствовали в качестве их синонимов «индустриальная» и «доиндустриальная» цивилизация, — то в работе «A New Look at Modern History» Рейшауэр оперирует уже одними только понятиями «современное» и «досовременное» общество. Термин «индустриализация» представляется ему теперь слишком ограниченным для характеристики исторических изменений, порожденных техническим прогрессом. Перестало удовлетворять Рейшауэра и традиционное для буржуазной науки понятие «усвоение западной культуры» («вестернизация»), определяющее направление общественного развития стран Азии и Африки: он оценивает его как слишком одноплановое, неспособное охватить многие стороны исторического процесса⁷. Общественное развитие мира в последние «два-три века» Рейшауэр предпочитает ныне характеризовать термином «модернизация», получившим в последние годы значительное распространение в буржуазной общественной науке, хотя четкого, общепринятого толкования этого понятия нет и подчас оно даже отождествляется с «вестернизацией»⁸. Те ученые, кто, как и Рейшауэр, отказываются употреблять данный термин, обосновывают это тем, что лишь некоторые новейшие черты западной цивилизации («современная технология» и «современные формы организации»), а не «традиционные

⁵ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge. 1960. Тезис о развитии общества к «единому индустриальному миру» был впервые сформулирован Рейшауэром еще в 1955 г. в книге «Wanted: an Asian Policy». Отвечая на прямой вопрос Хаяси, Рейшауэр заявил, что особых связей между его «новым взглядом» и теорией Ростоу нет, но нет также и противоречий («Поскольку мы долгое время поддерживаем хорошие отношения, у нас были случаи беседовать. Однако мы специально не обсуждали эту мою статью. И я не развивал свой анализ в зависимости от теории Ростоу»). («Нихон киндай-но атарасии миката», стр. 170).

⁶ E. O. Reischauer. Wanted: an Asian Policy, pp. 44, 69.

⁷ Э. О. Рейшауэр. Нихон киндай-но атарасии миката, стр. 3.

⁸ Ibid., p. 3; e jus d. A New Look at Modern History, p. 14.

западные цели» оказали наибольшее влияние, в частности, на цивилизацию Восточной Азии⁹.

Подходя к «модернизации» с этих позиций, Рейшауэр пишет: «Процессы механизации производства и рационализации общества, ...приспособление к более высокому технологическому уровню, которые мы называем модернизацией, следует рассматривать не только с экономической точки зрения, но также и с политической». Сначала «век машины» наступил на Западе, затем, в течение последнего столетия, механизация развернулась и в Азии и в других районах земного шара, и именно она, «механизация всей жизни, а не только производства в узком, марксистском смысле, умножила возможности человечества и создала в современных обществах условия, столь отличающиеся от условий в обществах досовременных»¹⁰. Нетрудно заметить, насколько вольную трактовку марксизма позволяет себе автор, подставляя на место понятия «производительные силы» понятие «производство», а затем рассматривая последнее лишь в его техническом (или технологическом) смысле, игнорирующем складывающиеся в нем отношения людей — производственные отношения, характером которых и определяется для марксистов социальный строй общества. Что же касается собственной концепции Рейшауэра, то, по его мысли, социальные последствия технического прогресса состоят не в изменении характера отношений, складывающихся между людьми в производстве (а соответственно этому и в обществе), но лишь в увеличении объема информации, получаемой людьми в «современном обществе», ибо последнему свойственно «использование концепции прогресса через научное знание», во-первых, и громадное «увеличение энергии человека с помощью машин», во-вторых.

Рассматривая эти два признака как основной критерий модернизации, автор предлагает «простые тесты» для установления того, является ли данное общество современным: степень грамотности населения (приближение ее к 100%) и уровень развития массовых коммуникаций (когда значительные массы населения получают быструю информацию с помощью прессы, радио, телевидения)¹¹. Важность этих показателей общественного прогресса бесспорна. Но очевидно и то, что «основной критерий» Рейшауэра отнюдь не учитывает наиболее существенные стороны общественного развития¹², так как он абстрагирует «технологию» от социально-экономической структуры общества, от социально-экономических и политических условий жизни трудящихся (то есть основной массы населения). Наконец, концепция Рейшауэра, охватывая лишь некоторые черты исторического процесса, игнорирует тот факт, что значительная часть человечества вступила в качественно новую стадию общественного развития — социалистическую. Понятие прогресса у Рейшауэра сформулировано более чем отвлеченно: «Достижение через целесообразные изменения, основанные на научном планировании, чего-то лучшего, чем то, что существовало прежде»¹³. Но каковы черты этого «лучшего», в какой мере достижение «чего-то лучшего» продвинуло общество по пути освобождения большинства его членов от социального неравенства? Установить это только лишь на основе определения степени грамотности населения и доступности массовых средств общения невозможно. Рейшауэру, специалисту по истории Японии, представляется, что его концепция может рассчитывать на успех, поскольку Япония —

⁹ J. K. Fairbank, E. O. Reischauer, A. M. Craig. A History of East Asian Civilization. Vol. II. East Asia. The Modern Transformation. Boston. 1965, pp. 6—7.

¹⁰ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, pp. 16, 134. Эту концепцию в общем виде автор развивает уже в книге «Wanted: an Asian Policy».

¹¹ Ibid., p. 18.

¹² Об объективном критерии общественного прогресса см.: Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М. 1965, стр. 269, сл.

¹³ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, p. 14.

страна, которая не разделила судьбы остальных стран Азии и не стала колонией¹⁴, «модернизировалась» очень быстро и специфика «модернизации» выявилась здесь особенно четко. Автор утверждает, что именно опыт Японии, единственной незападной страны, столь успешно осуществившей модернизацию, может быть весьма полезен для Азии, Африки и Латинской Америки¹⁵.

Свои методологические позиции Рейшауэр противопоставляет так называемому «однолинейному анализу», к которому прибегают, по его словам, равно «как марксисты, так и немарксисты»¹⁶. «Однолинейностью» Рейшауэр, в частности, называет рассмотрение современных политических и экономических теорий, политических и экономических явлений «в одном измерении» — правые, левые, центр. «То, что мы называем крайне правым и крайне левым, часто приближается друг к другу в реальных действиях и даже в некоторых аспектах теории»¹⁷. Смещение понятий «прогрессивное» и «реакционное» составляет существенный элемент методологии Рейшауэра и целиком соответствует «основному критерию» модернизации, который игнорирует социально-экономические отношения в «современных обществах»; без этого смещения рухнула бы вся конструкция модернизации. Взамен «однолинейного анализа» Рейшауэр предлагает «два измерения листа бумаги, на который мы обычно записываем свои мысли»: горизонталь представляет экономическое развитие общества, вертикаль — политическое. Если бы на листе бумаги, продолжает автор, существовали и другие измерения, то следовало бы добавить к анализу и другие аспекты общества: социальный, психологический или культурный. «Но наши два измерения дают нам возможность отобрать по крайней мере два ключевых ингредиента... В любом случае два измерения — это вдвое больше одного»¹⁸.

Выбор «экономического и политического аспектов» в качестве «ключевых ингредиентов» отнюдь не означает приближения автора к пониманию действительной взаимосвязи этих сторон общественного развития. Напротив, тут-то и обнаруживается особенно отчетливо характерное для избранного им метода скольжение по поверхности, акцент на явлениях, выхваченных из всей совокупности общественных отношений и рассматриваемых вне причинных связей с факторами, определяющими ход и направление общественного прогресса. Рейшауэр предлагает отделить экономические явления от политических. Для удобства анализа? Нет. Подчеркивая, что это два совершенно различных аспекта, Рейшауэр признает наличие между ними чрезвычайно тесных, взаимообуславливающих связей. Но он заведомо отказывается установить их характер: «Когда бросаешь ретроспективный взгляд на процесс исторического развития, очень трудно утверждать, экономическая ли система породила политическую, или наоборот»¹⁹.

Выделение «двух измерений», применение метода координат позволяют Рейшауэру полностью абстрагироваться от связи между экономическим и политическим развитием общества, рассматривать каждый из этих процессов совершенно изолированно. Вот пример этого метода в действии. Для анализа экономики «современных обществ» Рейшауэр отбирает только одну из ее черт — степень правительственного вмеша-

¹⁴ См. об этом Л. А. Березный. Буржуазные историки о различиях в общественном развитии Японии и Китая в XIX веке. «Вопросы истории стран Азии». Сборник статей. Л. 1965.

¹⁵ Э. О. Рейшауэр. Нихон киндай-но атарасии миката, стр. 4, 160.

¹⁶ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, p. 58; e j u s d. The United States an Japan. Cambridge, Mass. 1965, p. 199.

¹⁷ E. O. Reischauer. The United States and Japan, p. 199; e j u s d. A New Look at Modern History, pp. 8, 10.

¹⁸ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, p. 10.

¹⁹ Ibid., pp. 10, 12; Э. О. Рейшауэр. Нихон киндай-но атарасии миката, стр. 171.

тельства в экономическую жизнь, — констатируя таким образом эволюцию общества от «полностью свободной экономики» (правый край горизонтали) к «полностью контролируемой» (левый край). Для середины XIX в., заключает он, характерны были концепции *laissez-faire*; в XX в. по мере усложнения экономических систем усиливался и правительственный контроль²⁰. Уклоняясь от коренного вопроса — в интересах каких классов осуществляется этот контроль в том или ином «современном обществе», Рейшауэр располагает на правой половине горизонтали «старые демократии» (Северо-Западная Европа, Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия) как страны, где государственное вмешательство, с его точки зрения, осуществляется в сравнительно меньших масштабах. На левой половине он размещает последовательно (справа налево) Японию «в ее милитаристской фазе» (до 1945 г.), гитлеровскую Германию, фашистскую Италию и... Советский Союз. В целом же, по его мнению, все модернизированные общества, как «демократии», так и «диктатуры», движутся на экономической шкале в одной направленности — от неконтролируемой экономики к экономике, контролируемой государством²¹. Игнорируя социально-экономическую структуру и социальную природу различных общественных систем, подчеркивая лишь «механизацию всей жизни» и возрастающее вмешательство государства в экономику, Рейшауэр пытался отождествить социализм с современной фазой развития империализма — государственно-монополистическим капитализмом и даже фашизмом.

Примечательно, что Рейшауэр, впервые формулируя свою концепцию в 1950 г., обозначал движение «демократий» и «тоталитарных режимов» по горизонтали справа налево как «удаление от чистого капитализма и приближение к чистому социализму»²². Теперь же он говорит об эволюции от «полностью свободной экономики» к «полностью контролируемой». Это изменение терминологии можно понять, видимо, если рассматривать его в свете тех общих изменений, которые произошли в состоянии буржуазной идеологии за последние десятилетия²³. В первой половине 50-х годов, когда получили широкое распространение концепции «народного капитализма», «демократического социализма» и т. п., Рейшауэр также ратовал за них, как орудие американской пропаганды в Азии²⁴. Теперь, подобно проповедникам «единого индустриального общества», он предпочитает избегать самого противопоставления «капитализм» — «социализм». Спекулируя на дальнейшем усилении государственно-монополистического капитализма в современную эпоху, Рейшауэр стремится придать более правдоподобное звучание тезису о «сходстве» тенденций экономического развития всех «современных обществ».

Понятие «социализм» оказывается у автора «нового взгляда» крайне запутанным, и трудно отделаться от впечатления, что эта путаница нарочита. Рейшауэр справедливо отмечает отсутствие существенных различий в экономических системах «старых демократий», как контролируемых социалистическими (то есть социал-демократическими) правительствами, так и «капиталистическими»; констатируя, что и в тех и в других — особенно после 1900 г. — происходит неуклонное расширение правительственного контроля, он пишет: экономические различия, которые существуют в «старых демократиях», являются «больше делом теории или терминологии»²⁵, нежели действительных различий между

²⁰ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, pp. 24, 26.

²¹ *Ibid.*, pp. 28, 30, 32.

²² E. O. Reischauer. The United States and Japan, p. 200.

²³ См. об этом М. Б. Митян, В. С. Семенов. Движение человечества к коммунизму и буржуазная концепция «единого индустриального общества». «Вопросы философии», 1965, № 5.

²⁴ См. E. O. Reischauer. Wanted: an Asian Policy.

²⁵ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, pp. 24, 26.

позициями правящих партий. Но если термины «капиталистический» и «социалистический» сам автор употребляет здесь в кавычках, то уже без всяких кавычек он говорит о якобы сильных социалистических тенденциях в нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии²⁶. Отрыв политической характеристики общества от экономической и социальной (можно сказать, даже их противопоставление) — это сознательный прием Рейшауэра, утверждающего, что «если оставить в стороне политическое развитие, то можно считать, что обе группы стран движутся в направлении к одной цели — достижению более равноправного общества»²⁷. Не удивительно, если при таком подходе Рейшауэр делает вывод, что все без исключения модернизированные страны развиваются в одном направлении не только в области экономики, но и в области «культуры и социальной организации». По его мнению, во всех современных обществах сильна тенденция к «сглаживанию социальных различий», приближающая даже такую страну, как США, к «социалистической цели бесклассового общества»²⁸.

В построениях Рейшауэра ясно видна эклектическая смесь доктрины «народного капитализма» и теории «единого индустриального общества». Но, став еще с середины 50-х годов приверженцем тезиса о развитии «современных обществ» к «единому миру», автор не придерживается, однако, последовательно этой формулы. Он усматривает «параллельные тенденции» в экономическом, социальном и культурном развитии всех современных обществ и потому считает неверными утверждения тех социологов, которые говорят о так называемой конвергенции капитализма и социализма. Исходя из противопоставления политического и социально-экономического развития общества, Рейшауэр находит здесь обратный процесс — дивергенцию (расхождение) в политической организации «модернизированных» стран. В этом и состоит суть его «открытия». Для обоснования своей концепции Рейшауэр вновь прибегает к методу координат. Он обозначает на горизонтали социально-экономическое движение всех «современных обществ» в «сходном направлении», вертикаль же в его схеме «двух измерений» призвана отразить их политическую эволюцию, «политическую организацию» общества. «Старые демократии», пишет Рейшауэр, развивались по пути неуклонного расширения прав народа²⁹ и за последние полтора столетия значительно приблизились к «идеальной демократии» (вершине вертикали); другая группа модернизирующихся обществ эволюционировала в противоположном направлении: от «смешанной политической ситуации», сочетающей «выборы и парламентские институты ограниченной демократии с большой степенью авторитаризма», — к «абсолютной диктатуре» (основанию вертикали). Таков «феномен политической поляризации» — «наиболее значительное явление современной истории»³⁰, на честь открытия которого претендует автор.

«Всеобщая модель политической поляризации» предопределялась, по мысли Рейшауэра, самим процессом «технологической модернизации»: в большинстве стран до модернизации или в самом ее начале су-

²⁶ Ibid., p. 28.

²⁷ Э. О. Рейшауэр. Нихон киндай-но атарасии миката, стр. 177.

²⁸ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, p. 32.

²⁹ Ibid., p. 24. Автор имеет в виду чисто формальные признаки, прежде всего расширение избирательного права: в 1800 г. сохранялись ограничения избирательных прав мужчин, в 1900 г. женщины все еще не принимали участия в голосовании; теперь же подобные ограничения устранены. Рейшауэр отмечает, правда, что в прошлом социальные и экономические условия серьезно ограничивали эффективное участие больших групп людей в принятии политических решений, в наше время этих препятствий якобы нет. Но вот что, оказывается, он имеет в виду: если идти от 1800 г. к 1962 г., то обнаруживается, что возможности получения среднего и высшего образования значительно расширились, а классовые ощущения до крайности уменьшились.

³⁰ Ibid., p. 30.

ществовали ограниченные формы демократии либо те или иные разновидности «авторитаризма старого типа»; эти общества как бы находились тогда на полпути между основанием и вершиной вертикали. Но по мере модернизации положение их менялось. Современная техника несла с собой две различные, даже противоположные тенденции: с одной стороны, быструю централизацию во всех областях, в том числе и в экономике, порождая концентрацию средств политического контроля, то есть усиливая власть немногих над многими. Однако, с другой стороны, она требовала быстрого расширения образования и вместе с тем создавала почву для развития личных способностей и знаний. Результатом явилось громадное увеличение количества людей, способных эффективно участвовать в руководстве, и еще большее увеличение числа лиц, знающих достаточно, чтобы претендовать на власть и участие в политическом контроле. Столь значительный рост социальной мобильности, с точки зрения автора, способствует сглаживанию классовых противоречий. «Современная технология, таким образом,— пишет он,— усилила мощь тех, кто управляет, и в одно и то же время подорвала основу традиционного авторитарного правления»³¹. Вот тут-то и вступает в действие «феномен политической поляризации», ибо современные общества не могут занимать прежнего срединного положения между обоими концами вертикали и неизбежно соскальзывают к одному из них: «Модернизированная полностью страна должна быть либо действительно демократической, либо безнадежно тоталитарной»³². Если возрастает «участие всего народа в эффективном контроле над правительством», то движение идет к «идеальной демократии»; если же «правление элиты сохраняется», контроль над обществом становится необходимым в гораздо большей степени, нежели «существовавший до этого, и происходит скольжение вниз — к «абсолютной диктатуре»³³.

Как видно из изложенного, Рейшауэр выделяет те черты политической жизни современного общества, которые действительно типичны для нынешнего этапа развития буржуазного государства (хотя и распространяет их совершенно произвольно на государства обеих систем). Признание зависимости концентрации политической власти от концентрации власти экономической, присутствующее у него в косвенной форме в качестве их «взаимобусловленности», звучит в полный голос в работах многих зарубежных, в том числе и американских, социологов. К такого рода работам относится книга Ч. Р. Миллса «Властвующая элита» (М. 1959), в которой показано на конкретном материале, как при сохранении внешних форм парламентаризма этот процесс складывается в США. Но оставим в стороне восхваление буржуазной демократии, этой панацеи от диктатуры, которому предается Рейшауэр,— уж слишком неестественна даже для буржуазного ученого его слепота в отношении неприглядных фактов, скажем, американской действительности³⁴. Автор «нового взгляда» не дает ответа на кардинальный вопрос: почему, несмотря на высокую степень грамотности и широкий доступ к средствам информации, массы народа в модернизирующихся странах «остаются под контролем немногих» и «правление элиты» здесь не только сохраняется, но и приобретает тенденцию к превращению в диктатуру. Чтобы объяснить это, надо обратиться к анализу социально-экономических от-

³¹ E. O. Reischauer. Wanted: an Asian Policy, pp. 143—144; e j u s d. The United States and Japan, p. 184.

³² E. O. Reischauer. Wanted: an Asian Policy, p. 146.

³³ Ibid., pp. 144—145; E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, pp. 36—46.

³⁴ В качестве примера «растущего участия всего народа в эффективном контроле над правительством» Рейшауэр вполне серьезно ссылается на то, что в США лидеры раньше отвечали перед народом только на выборах, теперь же они должны разговаривать с публикой почти ежедневно: интервью в прессе, выступления на радио, по телевидению («Wanted: an Asian Policy», p. 145).

ношений, рассмотреть социальную структуру общества, характер элиты, стоящей у власти, и силы, ей противостоящие. Но метод изолированного анализа «двух измерений» как раз и отрицает такого рода подход. Этот метод не только лишил Рейшауэра возможности объяснить причины установленных им явлений, но и привел к выводам, противоречащим его исходным плюралистским позициям, ибо не бесчисленное множество вариантов развития создает у него «модернизация», а два, да и это всего лишь дуализм надстройки на одной и той же социально-экономической основе.

Несостоятельность концепции Рейшауэра обнаруживается еще более отчетливо при рассмотрении конкретно-исторической аргументации автора. В книге «Соединенные Штаты и Япония» есть специальная глава, в которой развитие Японии после революции 1868 г. трактуется как противоборство двух тенденций — демократической и тоталитарной. Объясняя это противоборство, Рейшауэр говорит как о некоторых политических явлениях, так и о факторах, не уместяющихся в «политическом измерении» (например, роль «высоко централизованной экономической империи дзайбацу», влияние «мировой депрессии», то есть мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.)³⁵. Таким образом, в конкретно-историческом исследовании автор не в состоянии последовательно придерживаться своего метода отделения экономического и политического «аспектов» общества, хотя попытка следовать этому метафизическому принципу лишает Рейшауэра возможности установить подлинный характер взаимодействия различных факторов. Еще более удаляется автор от истины, когда он подчиняет анализ общественного развития Японии концепции «политической поляризации». Рейшауэр, не желая видеть за столкновениями демократических и реакционных сил развернувшейся в Японии 20—30-х годов XX в. социальной борьбы, не может, естественно, воссоздать действительную картину развития страны в тот период. Отдельные его верные наблюдения теряются в общем изложении, далеком от проникновения в подлинную суть событий. Так, признавая связь между военщиной и дзайбацу, автор тем не менее повторяет обычную в американской реакционной буржуазной историографии оценку японских милитаристов как самостоятельной силы. Констатируя, что армия, «возможно, больше всего представляла тоталитарные тенденции», он, однако, пишет, что кадры офицеров рекрутировались «из менее привилегированных классов», и, следовательно, армия была «защитником крестьян и беднейших слоев вообще». Антикапиталистическую демагогию некоторых групп японской военщины Рейшауэр трактует как социалистические симпатии.

На столь шатком фундаменте «фактов» громоздится весьма серьезное утверждение: «Социалистическо-капиталистическое расхождение, хотя и важное в современной Японии, не было главной трещиной в японском обществе... Реальная борьба шла между демократической и авторитарными формами правления, так как сбитые с толку и дезорганизованные политические деятели старейших, консервативных партий вместе с городскими социалистами склонились перед антикапиталистическими армейскими офицерами, которых нехотя поддерживали прокапиталистические бюрократы и группировка больших дзайбацу»³⁶. Отвергая «однолинейное» различие понятий «правые» — «левые» и вводя вместо него «два измерения», Рейшауэр, таким образом, отрицает сущность борьбы между силами реакции и прогресса. Причины победы тоталитарных тенденций (автор называет

³⁵ E. O. Reischauer. The United States and Japan, pp. 178—204. Некоторые из этих соображений изложены в книге Рейшауэра «Wanted: an Asian Policy», p. 136, ff.

³⁶ E. O. Reischauer. The United States and Japan, pp. 200—201.

некоторых носителей этих тенденций: дзайбацу, гражданская бюрократия, полиция, «фанатичный корпус армейских офицеров») в 30-х годах он объясняет тем, что распространившаяся в Японии современная техника организации и контроля «совместилась с давними авторитарными традициями Азии, и смесь неизбежно приобрела сильный тоталитарный привкус»³⁷, то есть сводит дело к победе исторических традиций. Конечно, последние сыграли свою роль. Но Рейшауэр так и не смог объяснить, почему, несмотря на распространение образования, эти традиции не были преодолены.

Историки-марксисты видят причины победы реакционного режима в Японии в незавершенности задач буржуазной революции, проведенной сверху в 1868 г., в силу чего в Японии сохранились значительные феодальные пережитки как в базисе, так и в надстройке. В советской литературе содержится глубокий анализ особенностей японского империализма, на которые обратил в свое время внимание В. И. Ленин³⁸.

Итак, даже применительно к истории Японии нет оснований говорить о каком-либо открытии Рейшауэра. Сам по себе «феномен политической поляризации» в Японии, если понимать его как борьбу между тенденциями буржуазно-демократического и тоталитарного развития, общеизвестен. Но Рейшауэр претендует, как это уже было отмечено, на открытие общей теории исторического процесса «в последние два века», подкрепленной ссылками на исторический опыт не только Японии, но и других стран. Борьбу тех же двух тенденций он констатирует, сопоставляя императорскую Германию и королевскую Италию начала XX в. с нацистской Германией и фашистской Италией 30-х годов и отмечая эволюцию этих государств к диктатуре³⁹. Это конечно, так. Однако и здесь фашизация была, как известно, неразрывно связана с определенными экономическими процессами и столкновением классов. Апелляция к превратностям исторических судеб Германии и Италии не делает рассматриваемую «общую теорию» более убедительной.

Коренной порок рейшауэровской методологии состоит в том, что автор распространяет открытую им «закономерность» на капиталистическое общество и на социалистическое общество одновременно⁴⁰. Вот почему он так настаивает на изолированном рассмотрении политической эволюции «современных обществ» и их экономического и социального развития: только метафизически рассекая живую ткань единого общественного организма, можно утверждать, будто противоположные по социальному типу страны движутся в политическом отношении в одном направлении. Но именно на основе столь далекой от подлинной науки методологии и сформулировал Рейшауэр вывод:

³⁷ Ibid., p. 186.

³⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 174; т. 41, стр. 227. В общем виде эти особенности были охарактеризованы в советской литературе еще накануне второй мировой войны: см. Е. М. Жуков. История Японии. М. 1939. В работах по истории Японии, вышедших в свет в последние десять лет, суммированы достижения советских ученых в исследовании проблем общественного развития Японии во второй половине XIX — первой половине XX в. (см.: И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин, Л. Д. Гришелева, Г. И. Подпалова, В. А. Попов, П. П. Толеха, Х. Т. Эйдуэс. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М. 1958; Е. М. Жуков, А. Л. Гальперин, А. В. Варшавский, П. П. Толеха. Очерки новейшей истории Японии. М. 1957; Л. Н. Кутаков. Очерки новейшей истории Японии (1918—1963). М. 1965.

³⁹ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, pp. 30, 46.

⁴⁰ Примечательно, что неоднократно упоминая, кроме Японии, Германию и Италию как страны, для которых характерны колебания между «демократией» и «диктатурой» («A New Look at Modern History», pp. 46, 48; «Нихон киндай-но атарасии миката», стр. 164, 175—176), Рейшауэр в отношении стран Восточной Европы, «включая и Россию», вынужден ограничиться просто клеветническим утверждением: они-де развиваются в сторону, «противоположную демократии» («Нихон киндай-но атарасии миката», стр. 176).

«Мы видим, что не экономические системы разделяют модернизированные страны, а политические. Я знаю, что эта концепция противоречит излюбленным заповедям марксистской теории, но она отчетливо выявляется, когда мы используем в нашем анализе два измерения, а не одно»⁴¹. Такова суть «нового взгляда на современную историю» и метода «двух измерений», которые Рейшауэр противопоставляет марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса.

В беседе с японским историком Хаяси Кэнтаро Рейшауэр заявил, что он, подобно многим западным историкам, отвергает такой подход, когда сначала надо избрать определенную теоретическую систему, а потом на ее основе толковать факты. Прежде позитивно рассмотреть историю, затем обращаться к теории — вот принцип, провозглашенный Рейшауэром и, по его мнению, воплощенный в его «новом взгляде на современную историю»⁴². Однако в действительности и этому принципу автор не следует до конца. Пока Рейшауэр рассуждает о «политической поляризации» в Японии, он еще остается на почве фактов, хотя и подобранных ограничительно и, стало быть, тенденциозно. Но свой главный вывод, свое «открытие» — «политическую поляризацию» современного мира, существующую независимо от социально-экономических систем, — Рейшауэр формулирует вопреки фактам, в угоду предвзятой теоретической конструкции. Для современного мира действительно характерна поляризация классов, социальных систем — капитализма и социализма, — в которых все противоположно: экономические отношения, социальная структура, государственный строй.

«Новый взгляд на современную историю» имеет тот же классовый смысл, что и некоторые другие новейшие реакционнейшие буржуазные социологические концепции, — идеологическую защиту капитализма, отрицание неизбежности его смены социализмом. Совпадают во многом и гносеологические основы. Рейшауэр так же выпячивает известное внешнее сходство в развитии «модернизированных» стран (капиталистических и социалистических), выражающееся прежде всего в техническом прогрессе; последний рассматривается в отрыве от социально-экономической структуры общества. Но если проповедники «единого индустриального общества» на основе своих поверхностных констатаций формулируют вывод о «растущем сходстве» капитализма и социализма и их слиянии в перспективе в «единый мир», то Рейшауэр, напротив, подчеркивает «политическую поляризацию» мира. Он не склонен, впрочем, противопоставлять свой «новый взгляд» теории «единого индустриального общества»; указывая на их различия, автор видит причины последних лишь в разных углах зрения: Росток анализирует экономический аспект общественного развития, он же, Рейшауэр, — политический⁴³. Действительно, пока речь идет об экономике, Рейшауэр придерживается тех же взглядов, что и теоретики «единого индустриального общества». А от анализа политического «аспекта» последние стараются уклониться, как избегают всего, что связано с борьбой классов и в политике и в экономике. Игнорирование реальных классовых отношений свойственно и Рейшауэру, хотя он и сосредоточивается на политическом «аспекте» и констатирует дивергенцию, а не конвергенцию «современных обществ».

Трудно с достаточной определенностью сказать, почему Рейшауэр делает упор на «политической поляризации». Возможно, он понимает, что концепция «единого индустриального общества» в ее чистом, так

⁴¹ E. O. Reischauer. A New Look at Modern History, p. 32.

⁴² Э. О. Рейшауэр. Нихон киндай-но атарасии миката, стр. 164.

⁴³ Там же, стр. 171.

сказать, виде едва ли послужит надежной преградой распространению марксистско-ленинских концепций. Теория «единого индустриального общества», которая рекламирует достижения США как единственной страны, вступившей в высшую фазу «экономического роста» — стадию «массового потребления», лишь в слегка замаскированной форме ратует за капиталистическую перспективу для новых независимых государств. А Рейшауэр — специалист по проблемам Азии — лучше многих других буржуазных ученых понимает, сколь непопулярно в Азии все, что связано с империалистическим Западом. Он констатирует, что в Азии рассматривают империализм как продукт западного капитализма, а последний ассоциируется с колониализмом и неравноправными договорами⁴⁴. Пропаганда «американского образа жизни», откровенно отмечает Рейшауэр, не дает в Азии желаемого эффекта. Социализм по различным причинам, признает автор (хотя и не дает верного объяснения этому), позволяет быстрее решить многие, в частности, экономические проблемы, возникающие перед молодыми развивающимися государствами⁴⁵. Но главная цель народов Азии, утверждает Рейшауэр, — завоевание полного равенства с Западом, а демократия или коммунизм — это, с их точки зрения, лишь средства к достижению цели; и они выберут то, что обещает наибольший успех в ее достижении⁴⁶.

Имея в виду эти представления Рейшауэра, можно предположить, что он не очень верит в эффективность пропаганды преимуществ капитализма с позиций «концепции единого индустриального общества»: ведь к «синтезу» можно прийти и через социализм, и, следовательно, не исключено, что новые государства в Азии и Африке предпочтут именно этот путь к «единому миру». Вот почему автор давно уже предлагает американской пропаганде отказаться от антисоциалистической фразеологии и представить свои идеи в форме, «понятной и эмоционально-привлекательной» для «социалистически мыслящих людей» в Азии, которые, «мало или совсем не симпатизируя коммунизму, серьезно верят в социализм» и которым можно внушить, будто в США имеется много элементов социализма и именно США ближе любой другой страны подошли к бесклассовому обществу⁴⁷. Представляется, что концепция Рейшауэра как раз и позволяет спекулировать на неосведомленности общественности новых независимых государств относительно подлинной сущности идей научного коммунизма⁴⁸. Рейшауэр, с одной стороны, объединяет, как и проповедники «единого индустриального общества», капитализм и социализм в нечто сходное в области экономики и социальной организации, а с другой — стремится скомпрометировать политический строй социалистического общества, клеветнически отождествляя его с тоталитаризмом и восхваляя капитализм под видом «демократии».

Эта направленность концепции Рейшауэра особенно ясно видна, когда автор пытается прогнозировать дальнейший ход общественного развития современного мира. Правда, в принципе он как будто отрицает возможность такого научного предвидения, бездоказательно ссылаясь на то, что прогнозы К. Маркса якобы не оправдались⁴⁹. Но сам автор все же позволяет себе «предвидение», хотя и с оговоркой, что это только предположения относительно будущего в «пределах

⁴⁴ E. O. Reischauer. *Wanted: an Asian Policy*, p. 167.

⁴⁵ *Ibid.*, pp. 166—168, 195.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 119.

⁴⁷ *Ibid.*, pp. 219—220.

⁴⁸ Недаром Рейшауэр не желает видеть в социализме и коммунизме две фазы одной формации, а определяет общественный строй в СССР и в других социалистических странах понятием «коммунизм», намекая на его якобы противоположность социализму.

⁴⁹ E. O. Reischauer. *A New Look at Modern History*, pp. 46, 48.

известных сейчас фактов»⁵⁰. И тогда выясняется, что Рейшауэр, как и некоторые другие буржуазные теоретики, просто спекулирует на социалистических идеалах. «Демократии» могут, как заявляет Рейшауэр, развиваться одновременно и к «идеальной демократии» и к дальнейшему усилению экономического контроля. В сущности, он стремится изобразить перспективы развития «демократии» как движение к цели, сходной с «конечной целью» Маркса, но без такого этапа, как диктатура пролетариата⁵¹ (конечно, при этом молчаливо имея в виду сохранение капиталистических форм собственности). Рейшауэр хочет доказать, что ликвидация классовых различий, о которой говорил Маркс, якобы может быть осуществлена «более полно естественной эволюцией, а не революцией, которую тот предсказывал»⁵². «Доказательству» этого и служит абстрагирование политического строя общества от его базиса — один из главных, как мы видели, методологических приемов Рейшауэра. Для того и нужен «метод анализа двух измерений», с этой целью и выдвигается тезис, что на «экономической шкале» все модернизированные страны движутся якобы в сходном направлении.

Так капитализм, зашифрованный термином «демократия», предстает под пером Рейшауэра единственным носителем прогресса в общественном развитии человечества. В этом суть его «нового взгляда на современную историю». Однако новое здесь лишь в некоторых софизмах. А цель та же, что и других современных буржуазных теорий, — увековечение капитализма.

⁵⁰ Ibid., p. 48.

⁵¹ Ibid., pp. 50, 52, 54.

⁵² Ibid., p. 48.